

Да нет же, здесь какая-то ошибка. Софи Лорен стукнула шесть десятков? Такого просто быть не может, потому что не может быть никогда! Полемика на Апеннинах в самом разгаре, и виновницей ее на этот раз стала самая яркая звезда итальянского кино, до сих пор купающаяся в лучах заслуженной славы, — София Шиколоне. Именно так, совсем не по-артистически, звучит настоящая фамилия богини кинематографа. Нет, ее сценический талант никто и нигде не ставит под сомнение. Вопрос в другом: насколько естественна вечная молодость красавицы с бронзовыми волосами?

Поверить многочисленным авторам — в основном женщинам — пухлых искусствоведческих журналов на итальянском, да и других европейских языках — значит принять их представление о Софии: «Лорен — пластиковая дама», неживая от грима и наворотов парикмахеров, алчущая денег и погруженная в собственные переживания после не слишком ярких работ последнего времени. Перелистывая страницы с огромными, во весь разворот цветными фото Лорен, позирующей в натуральных шубах, специально «сделанных» для Софии, чтобы показать ее роскошные плечи, действительно ловишь себя на мысли о некоем диссонансе между ре-

На снимке: Софи Лорен с паспортом «посла мира». Фото ИТАР—ТАСС.

От габаритов ее таланта теряли сознание министры и президенты

Жоссе, правда, 1994. Десерт, с. 6.
Даже у вечно молодых бывают юбилеи — и вот это случилось с несравненной Софи ЛОРЕН

альным миром и лабораторно-эстетическим образом актрисы. А дива этого, похоже, не боится. Все такая же прекрасная, с лучезарными глазами и чувственно-мягким ртом, она открыто предлагает образ отрешенности от всего житейско-бытового.

Во всяком случае эта очередная шумиха вокруг имени Софи Лорен, наложившаяся на более чем круглую дату в жизни актрисы, напомнила о существовании ее феномена на Апеннинах. Феномену этому и посвятил свою книгу, не являющуюся, впрочем, официальным жизнеописанием, известный в Италии знаток актерских душ синьор Москати. Из нее я впервые узнал, что с годами характер Лорен становился все тяжелее, она стремительно утрачивала поддержку влиятельных людей. То, как о ней отозвался в конце 50-х годов Альберто Моравиа: «Мечтая пробегать навстречу солнцу, София идет навстречу артистическому успеху, и на этом пути ей предстоит длинная жизнь, потому что солнце ее поддерживает и освещает», — сорок лет спустя прозвучало бы совсем неуместно. Выходит, с Лорен произошло то, чего не миновало большинство знаменитостей: духовное опустошение? В это не хочется верить, потому что в памяти тут же всплывают кадры из телехроники: посол ЮНИСЕФ Софи Лорен кормит с ложки голодающих детей в Африке.

В этой сумасшедшей жизни София Шиколоне добила все сама. А если уж забыть совсем точным, то она следо-

вала примеру своей матери, которую из-за не очень существенной разницы в возрасте все принимали за ее старшую сестру. Ромильда, почти забытое теперь имя в Италии, так и не сумела выйти замуж за неукротимого соблазнителя. Она передала в наследство Софии и Марии (младшей сестре Лорен) не крупные денежные суммы, а выдающиеся волевые качества и умение идти до конца.

Природа щедро наделила ее красотой, статью, сексапильностью — вот и готовая королева красоты. На свою первую ступеньку в образцово-показательной карьере кинотеле-шоу-звезды она взойшла, одержав беспорную победу на неаполитанском конкурсе «Принцесса моря». Вскоре на состязании роскошных граций в столичной области Лацио она встречается со своим будущим мужем Карло Понти.

В начале 50-х София, тогда еще Шиколоне, снимается в своем первом фильме «Сердце на море», а после его выхода на большой экран превращается в Софию Ладзаро. Сценический псевдоним, конечно, поблаговозвучнее, но это все-таки еще не то. Драматический для мира, но не для будущей дивы, 1953 год приносит ей первый ошеломительный успех: София получает такую главную роль в ленте «Африка под морями» и на всю оставшуюся жизнь становится кумиром киноманов со звучным и каким-то стреляющим псевдонимом — Софи Лорен.

Призы, казалось, достава-

лись великой итальянке просто так, без видимых усилий. Но за ними были месяцы и годы труда. У нее есть даже орден «Почетного легиона», который ей три года назад вручил сам Миттеран.

И все же ее, наверное, можно было назвать максималисткой, невольно коллекционировавшей все подряд. Потому что в ее послужном списке есть совершенно немалая премия за... самую никудышную в мире манеру одеваться. И кто бы мог подумать, что ее автором был режиссер «Белого, красного» Альберто Латтуада. Вот что он тогда сказал: «Ее макияж самый дурной, потому что он излишний и какой-то неуместный; ее наряды и ее прически (хотя и от ведущих мастеров) все чаще выглядят неудачными и поразительно точно мелкочуживостью, что самое страшное».

Но все-таки София Шиколоне-Лорен для всего мира необычная мечта и уж во всяком случае — образец для подражания. А как ведь хороша в свои-то шестьдесят. Подтянута, стройна, пышные волосы словно корона вокруг солнца. Такой фигуре могут позавидовать и двадцатипятилетние. Так в чем же секрет «эликсира ее молодости»? Никаких премудростей, все ясно и... обыденно. Великолепные природные данные — подарок судьбы, в сочетании с постоянным самоконтролем, но без самоизнурения, легкий сорочкапятиминутный «стретчинг» ежедневно.

Александр ГОЛОВАНОВ.
(Наш соб. корр.)

Из генофонда — в фильмофонд

ЗВЕЗДНАЯ БОЛЕЗНЬ

Придумал человек себе такую проблему — «отцы и дети». И никому не дано уклониться от ее решения. Даже знаменитостям. Даже звездам кино. А «звездным» детям, может, еще труднее, чем их простым сверстникам. На них падают лучи родительской славы, а в душе зреют собственные амбиции.

Чара Мastroяни — дочь легендарных Катрин Денев и Марчелло Мastroяни — впервые вышла в кинематографический свет на 46-м Каннском фестивале с небольшой ролью в фильме Андре Тешине «Мое любимое время года». Кстати, Катрин Денев сама снялась в двух фильмах этого режиссера и была с ним в дружеских отношениях. Она прекрасно знала, что для новой ленты ему нужна 20-летняя девушка, но ни словом не обмолвилась о своей дочери.

Тешине сам пригласил Чару на пробы, которые оказались удачными. Вот так «звездное» чадо стало актрисой вопреки детским мечтам о профессии учителя итальянского или желанию матери видеть девушку археологом. Родители воздерживались от какой-либо агитации в пользу съемочной площадки. Но тем не менее Чара намерена продолжить актерскую династию.

А на этом пути всех их — и Чару Мastroяни, и других отпрысков киноэлиты — ждут одни и те же трудности. Дети актеров хотят быть, а не казаться. И при этом им необходимо решать труднейшую задачу — соблюдать дистанцию с самыми близкими людьми. Легко ли, проживая в доме с папой или мамой, которые стали эталоном таланта и красоты, добиться того, чтобы их воспринимали как самостоятельных личностей, а не «репродукциями» знаменитых родителей? Трудно. И все же они надеются предложить режиссерам что-то новое, никем еще не сказанное.

«У меня есть шанс не превратиться в маленькую Денев», — говорит Чара в интервью журналу «Пари-матч». — Походить на мать было бы для меня сущим адом».

А вот Кристофер Томпсон,

сыгравший Сен-Жюста в фильме «Французская революция», — «киношник» уже в третьем поколении и, похоже, особых проблем не испытывает, хотя приобщился к этому делу довольно поздно.

«Мне всегда удавалось избегать ссор с родителями», — признается он. — И такое родство никогда не было для меня чем-то тяжелым. Я никогда не выпячивал, не скрывал фамилию, которую ношу, и не задумывался, преимущество она или помеха». С избранной дорожкой все просто. «Мать пишет сценарии. Дел ставит по ним фильмы. А я — актер. Это получилось само собой».

Гийом — сын знаменитого Жерара Депардье — и вовсе не хотел стать актером. Первый раз на съемочную площадку он попал в Италии, куда отец прихватил всю семью (он тогда работал над ролью в фильме «1900»). Долго профессия отца была связана у него с испорченными каникулами. На пляжах Корсики и на равнинах Нормандии их всегда преследовали толпы поклонников и охотников за автографами. Уже тогда он понял, что будет сыном Жерара и Элизабет Депардье нелегко, и сумел закалиться перед испытаниями славой.

Дети знаменитостей пришли в искусство довольно плотной группой. В театре Гийом Депардье играет вместе с Мари Трентиньян, которая рассчитывает сняться в нескольких хороших фильмах прежде, чем ей перестанут напоминать о славных родителях.

Подмостки делит с ними и Томас Лангман — сын Клода Бери. Он не скрывает, что, благодаря известности отца, избежал каторжной участи начинающего актера. Правда, из-за папы же многие режиссеры «стесняются» приглашать его на роли.

Да, собственно, все они осознают, что их дебют в кино не был трудным. Вольно или невольно имена родителей повлияли. Но не менее отчетливо они понимают, что выжить в мире кино смогут, лишь привнес в искусство что-то свое.

Леонид ТИМОФЕЕВ.

Галерея «КП»: сверху предки, снизу потомки — Жан-Луи Трентиньян и его дочь Мари, Катрин Денев и ее дочь Чара Мastroяни, Жерар Депардье и его сын Гийом. Фото из журнала «Пари-матч».

Loren Loren

27.9.94